

Сакураги Ханамити в последний раз чувствовал на себе взгляды всей школы в тот день, когда подстригся после матча с Кайнаном. Казалось, каждый ученик норовил увязаться за ним следом, чтобы поглазеть.

Сегодняшнее ощущение было до боли знакомым.

Не успело закончиться утро, как по всей школе разнеслась весть: рыжий баскетболист вернулся после лечения.

С тех пор как Сёхоку, подобно темной лошадке, сенсационно выбила из турнира двух баскетбольных гигантов — Санно и Сёё, — название школы стало постоянно мелькать в спортивных газетах и телепередачах. Ученики Сёхоку впервые осознали, каково это — когда их школа выходит за пределы префектуры Канагава и гремит на всю страну.

Этого исторического прорыва добилась баскетбольная команда, а Сакураги Ханамити, чья игра в том ожесточенном матче была столь блистательной, что закончилась госпитализацией, стал главной знаменитостью школы.

Быть знаменитостью — занятие занятное, но едва ли кому-то понравится, когда это начинает мешать нормальной жизни.

Даже Сакураги, обычно обожавший всеобщее внимание, взорвался, когда его в третий раз окружили прямо у туалета.

Если бы не Ёхэй, вцепившийся в него сзади, Сакураги едва не пустил бы в ход свой фирменный удар головой.

Толпа зевак, все же опасаясь исходящей от него ауры хулигана, быстро рассеялась.

Чтобы спокойно пообедать, Сакураги даже не мог остаться в классе.

Он мог нахмуриться и разогнать парней, глазевших на него в уборной, но понятия не имел, что делать с любопытными девчонками в классе.

В итоге, отбиваясь от назойливого женского щебета, он оставил Армию Сакураги на передовой, а сам, прихватив ланч-бокс, сбежал на крышу.

Захлопнув дверь, Сакураги прислонился к стене и с облегчением выдохнул.

Школьная крыша всегда была вотчиной хулиганов, обычные ученики сюда без дела не заглядывали.

А после того как в первые дни учебного года Рукава Каэдэ жестоко расправился с третьеклассниками-задирами, даже сами хулиганы старались здесь не показываться.

Поэтому в обеденный перерыв на крыше было тихо — именно то, что нужно Сакураги.

Хотя уже наступила осень, полуденное солнце припекало довольно сильно. Сакураги направился в тень, но, собираясь присесть, вдруг заметил, что у стены кто-то уже сидит.

Сакураги вздрогнул. Присмотревшись, он понял, что это Рукава, прикорнувший прямо у стены.

Сакураги посмотрел на него сверху вниз.

Этот сонный лис, как он умудряется спать где угодно! Занял мое место, и куда мне теперь садиться?

Сакураги некоторое время пребывал в унынии.

В этот момент подул легкий ветерок, зашумела листва большого дерева у учебного корпуса, и волосы Рукавы слегка колыхнулись.

Сакураги замер, глядя на спящее лицо парня.

Неужели именно из-за этого лица те девчонки сходят с ума?

Сакураги разглядывал Рукаву, размышляя про себя. Казалось, он впервые за все время знакомства смотрит на него так пристально. Раньше он лишь мельком видел его фигуру и сразу закипал, готовый лезть в драку.

Теперь же, воспользовавшись таким странным моментом, Сакураги наконец-то внимательно изучил Рукаву.

Признать, что другой парень хорош в деле, бывает сложно, но перед лицом неоспоримой силы это возможно.

Однако признать, что другой парень красив — это вообще за гранью реальности.

За четыре месяца игры в баскетбол Сакураги с огромным трудом признал, что техника Рукавы действительно хороша. Но, признавая это, он в глубине души все равно верил, что однажды победит его.

И вот сегодня, на крыше, где они были вдвоем, Сакураги получил удар посильнее — он

почувствовал, что его достоинство уязвлено, причем без возможности дать отпор.

Потому что Сакураги впервые осознал: лицо Рукавы Каэдэ действительно чертовски красиво.

Рукава сидел в углу крыши, тихо прислонившись к стене, погруженный в сон в тени здания.

Его черты лица, казалось, были тщательно отточены скульптором, каждая линия дышала холодом и остротой.

Взгляд, хоть и скрытый сейчас за веками, казалось, все равно хранил свою глубину и отстраненность. Под закрытыми глазами виднелись длинные густые ресницы, похожие на маленький веер, слегка дрожащий от пылинок в воздухе.

Высокий прямой нос, словно хребет горной гряды, выглядел твердым и при этом изящным.

Солнечный свет отбрасывал на его лицо пятнистые тени, но они никак не могли согреть ту ауру отчужденности, что исходила от него.

Проклятый лис, как можно быть таким!

Сакураги разозлился, но в нем проснулось и озорство.

У лиса такие длинные волосы, почти закрывают глаза. Интересно, как он будет выглядеть, если убрать челку со лба?

Подумав так, он тут же перешел к действию. Человек, привыкший идти напролом, не думая о последствиях, и в этот раз остался верен себе.

Он присел перед Рукавой на корточки, поставил ланч-бокс на пол и подался вперед. Сохранять равновесие в такой позе было трудно, можно было легко завалиться на Рукаву, поэтому Сакураги опустил на одно колено.

Он протянул руку и пальцем осторожно провел по густой челке. Волосы мягко скользнули по кончикам пальцев, было немного щекотно.

Хм! У этого паршивого лиса характер — кремень, а волосы оказались совсем не жесткими, — пробурчал он про себя.

Раззадорившись, Сакураги, словно перебирая струны гитары, начал ерошить челку Рукавы туда-сюда. Наигравшись, он приложил ладонь к его лбу, едва не касаясь кожи.

Сакураги широко открыл глаза, глядя, как он полностью открыл лоб Рукавы, зачесав волосы вверх.

Таким Рукаву он еще никогда не видел. Да и никто, наверное, не видел?

Сакураги внимательно рассматривал лицо без челки и счел очень странным, что эта челка, похоже, была своего рода печатью.

Без нее Рукава выглядел гораздо мягче.

Мягче? От этой мысли у Сакураги по спине пробежал холодок.

Что за ерунду я несу? Нет, надо уходить, а то если лис проснется — быть беде.

Закон Мерфи гласит: чего боишься, то и случится.

Разве мог семнадцатилетний Сакураги Ханамити противостоять закону Мерфи?

Он как раз собирался убрать руку, как вдруг это мягкое лицо открыло глаза. Сакураги застыл от ужаса.

В мгновение ока в его голове промелькнуло с десятков оправданий, но ни одно не казалось убедительным.

Потому что он здесь, так близко к Рукаве, да еще и трогает его волосы — в такое не поверил бы никто, даже он сам не понимал, что на него нашло.

Любопытство сгубило кошку! И зачем мне понадобилось лезть к волосам этого лиса? Ну вот, теперь точно придется драться. А может, врезать ему головой, чтобы вырубился? А когда очнется — ни за что не признаваться.

В голове Сакураги бурлило, как в закипающем чайнике.

Своей стратегией он был доволен: Все-таки я гений!

Пока в его голове шла битва титанов, он забыл сменить позу.

И Рукава, только что проснувшийся, первым делом увидел перед собой сплошную рыжую массу, которая заставила его мгновенно прийти в себя.

— Идиот, ты что делаешь?

Сакураги вздрогнул, наконец убрал руку с головы Рукавы, вскочил и отпрыгнул на пару шагов, покраснев до корней волос.

— Я... я... я ничего не делаю!

Все продуманные планы и идеи вмиг испарились, Сакураги хотелось только одного — сбежать.

И он сбежал.

Но, дойдя до двери, он немного пришел в себя. Подумал: Постой-ка, с чего это я бегу? Я же пришел на крышу обедать. А где мой обед?

В мире нет ничего важнее пустого желудка.

Сакураги Ханамити не из тех, кто оставит себя голодным.

Он вернулся и увидел, что Рукава вертит в руках его ланч-бокс, оставленный на полу.

Сакураги широким шагом подошел и протянул руку:

— Это мой обед. Отдай.

Рукава поднял на него взгляд. Лицо рыжего все еще пылало, но в глазах читалось возмущение.

Рукава опустил взгляд на бокс в своих руках и неожиданно спросил:

— Что внутри?

Сакураги решил, что ослышался, и не сразу нашелся с ответом.

— Идиот, чего ты на меня так смотришь? Я спрашиваю, что внутри? — Рукава начал терять терпение.

Сакураги выпрямился:

— Хм! Там, конечно же, блюдо, приготовленное самим гением! Или ты хочешь попробовать?

Рукава молча смотрел на него.

Сакураги отступил на шаг, дернув щекой от недоверия:

— Ты что, правда хочешь?

— Я еще не обедал, — спокойно ответил Рукава.

Ну надо же, напросился.

Когда Сакураги лез на крышу, чтобы спрятаться от всех, он и представить не мог, что однажды будет мирно сидеть в тени и делить с Рукавой один ланч-бокс.

В прошлый раз, когда они оба оказались здесь, они едва не убили друг друга.

Да и с тех пор друзьями они не стали. Как вышло, что этот парень съел обед, который предназначался для Армии Сакураги?

Сакураги никак не мог взять в толк.

Но он был так голоден, что не стал ломать голову. В конце концов, еды на двоих вполне хватало.

А Рукава — этого ледяного парня не растопить даже едой — ел молча, но при этом сметал всё с невероятной скоростью.

Как он умудряется сочетать в себе эти две крайности, Сакураги понять не мог.

— Ну что, вкусно? — Сакураги убирал пустой бокс, ожидая похвалы.

Рукава широко открыл глаза и приподнял брови:

— Это ты приготовил?

Сакураги задрал подбородок, подтверждая.

Рукава погладил себя по подбородку:

— Неплохо для идиота.

Хвост Сакураги чуть не начал вилять от гордости:

— Ха-ха-ха, паршивый лис, хоть раз в жизни похвалил меня!

— Слушай, давай договоримся.

Сакураги тут же стал серьезным, приняв оборонительную стойку:

— О чем договоримся?

Рукава указал на бокс:

— Ты будешь приносить мне обед, а я буду учить тебя тому, что узнал в молодежной сборной.  
Как тебе?

<http://bllate.org/book/21490/2200161>